

зин сегодня отправился в Лондон. Я ему написал вчера письмо. Это добрый и чувствительный человек, который обладает обширными познаниями в искусствах».¹⁸

Не располагая дневником Вольцогена, Ю. М. Лотман справедливо сокрушался о том, что «всякая попытка составить реальную хронологию пребывания Карамзина в Париже наталкивается на трудности, связанные с запутанностью дат, вернее всего, неслучайной...» (539). Юрий Михайлович сомневался, мог ли Карамзин присутствовать на празднике Св. Духа (Saint-Esprit) 25 мая: «...в главке „Тюильри“ Карамзин утверждает, что был свидетелем праздника Ордена Св. Духа. Праздник этот в 1790 г. приходился на 25 мая н. с. («Духов день») — *время, когда Карамзин должен был находиться уже по дороге в Лондон*» (539).

Закурсивленная фраза ошибочна, ибо, согласно дневнику Вольцогена, Карамзин отправился в Лондон 28 мая — следовательно, мог присутствовать на празднике Св. Духа. Некоторые подробности этого праздника свидетельствуют также против предположения Юрия Михайловича, что Карамзин описал его с чужих слов. По предположению Ю. М. Лотмана, «Карамзин мог слышать описание церемонии от того же Мошкова, с которым он общался в Париже» (654). Некоторые подробности этого посещения говорят о том, что Карамзин видел этот праздник сам, своими глазами, а не довольствовался пересказами.

В «Письмах» так описано торжество Св. Духа: «В день Св. Духа Король вместе с Кавалерами главного французского ордена пошел в церковь; за ним Королева с Дамиами; первые в рыцарских мантиях с распущенными волосами; вторья в богатых робах. В ту самую минуту любопытные зрители бросились во внутренние комнаты — я за ними — из залы в залу и до самой спальни.

Куда вы, господа? за чем? Спрашивали придворные лакеи. *Смотреть*, отвечали мои товарищи, и шли далее. Украшения комнат составляют обои Гобелиновой фабрики, картины, статуи, гротески, бронзовые камины. Между тем глаза мои занимались не только вещами, но и людьми: Министрами и экс-Министрами, придворными и старыми Королевскими слугами, которые, видя бесчинство молодых, с величайшим небрежением одетых людей, шумящих и бегających, пожимали плечами. Я сам с каким-то горестным чувством ходил за другими. Таков ли был прежде французский Двор, славный своей блестящею пышностью?» (246—247). Сейчас, когда мы точно знаем, что Карамзин уехал из Парижа 28 мая, все эти сомнения оказываются беспочвенными.

Эта дата 28 мая позволяет понять, что все письма, помеченные «Париж, июня...», написаны во всяком случае не в Париже, а в Москве и, может быть, в какой-либо иной последовательности.

¹⁸ *Wolzogen Wilhelm von. Journal de voyage à Paris. P. 153.*